

На следующее утро, не сказав ни слова главе клана и остальным, Ху Тянь беззвучно покинул место, где теперь укрывался клан Лисиц. Впрочем, по большей части он просто не знал, как смотреть им в глаза после всего, что натворил в прошлом.

Из-за того пузырька с пилюлями, который ранее бросил Юань Цзыжу, старый глава клана, хотя и сохранил жизнь, был полностью сломлен. Теперь он был обречен на увядание и ничем не отличался от любого немощного старика.

Несколько старейшин, чье безумие также удалось подавить, хотя и избежали участи того, кто взорвал себя в ту ночь, лишились своих сил. Для могущественных существ, привыкших повелевать стихиями, это стало тяжелейшим ударом.

Ху Тянь не мог понять, что в нем преобладает: благодарность к Юань Цзыжу за то, что тот спас их от гибели, или ненависть за то, что тот стал причиной их бед.

К счастью, за это время вернулись остальные старейшины, странствовавшие вдали, а вместе с ними и многие другие члены клана. Теперь, когда в клане оставались почтенные старцы, Ху Тянь мог уходить со спокойной душой.

Вспомнив о подлецах из клана Юху, Ху Тянь ощутил лишь ледяной холод. Те надеялись уничтожить клан Лисиц одним махом, но сами же попали в ловушку. После той ночной битвы уцелевших в клане Юху осталось даже меньше, чем в его собственном. Ху Тянь знал: когда он разберется с делами Шань Жуна, он обязательно вернется и вырежет этих ничтожеств до последнего.

Пусть прячутся, пусть бегут! Пока есть время, пусть проживут еще немного.

Вернувшись к маленькому дворику, где они с Шань Жуном прожили несколько лет, Ху Тянь замер, глядя на столетнее персиковое дерево, выглядывающее из-за ограды. Несмотря на то что наступило осеннее равноденствие, дерево цвело невероятно пышно. Ху Тянь не помнил, чтобы они сажали здесь персик, и, когда в памяти вспыхнули смутные, знакомые образы, он молча опустил голову.

В голове было пусто.

Если бы ему нужно было искупить вину перед Шань Жуном, он готов был сделать что угодно, лишь бы тот вернулся. Несмотря на стыд и нищету, он бы нашел в себе мужество просить прощения. Но теперь, когда добавились другие обстоятельства, уверенность Ху Тяня пошатнулась. Впервые в жизни он ощутил такую трусость. Он не знал, как снова смотреть в это невинное, чистое лицо.

И все же, даже если придется идти напролом, Ху Тянь знал, что должен встретиться с Шань Жуном лицом к лицу. Если только не решит отказаться от него навсегда. Но мог ли он? Ответ был очевиден.

Ху Тянь потер лицо, стараясь стереть с него печать уныния. Это была их первая настоящая встреча после долгой разлуки, и он не хотел выглядеть таким разбитым.

Его правая рука мелко дрожала. Он несколько раз тянулся к калитке и отдергивал руку. Ху Тянь горько усмехнулся: он и подумать не мог, что когда-нибудь испытает робость перед родным порогом.

Наконец, собравшись с духом, он толкнул дверь.

Взгляд тут же упал на Шань Жуна, который лежал на плетеном кресле под персиковым деревом и лениво перебирал ярко-розовые лепестки. Из-за горького опыта прошлых встреч Ху Тянь не мог поверить, что это действительно он.

Шань Жун поднял голову и улыбнулся:

— Ты вернулся!

Ху Тянь привычно ответил:

— М-м.

Только тогда до него дошло: это правда. Перед ним действительно был Шань Жун.

С тех пор их жизнь текла удивительно гладко. Шань Жун был кроток, как и прежде. Ху Тянь списывал это на их молчаливое согласие не ворошить прошлое. Он не спрашивал, где Шань Жун был и как вернулся, и, что волновало его больше всего, не уйдет ли он снова. Шань Жун тоже не заговаривал о том, что с ним случилось, и не упоминал ни Ху Тяня, ни Юху Хуаи, ни их ребенка. Оба хранили молчание, словно сговорившись похоронить все мысли в глубине души.

Ху Тяня это устраивало. По крайней мере, сейчас они могли наслаждаться короткими мгновениями покоя. Он чувствовал, что это спокойствие не вечно, поэтому дорожил каждым украденным днем.

Но кое-что изменилось. Шань Жун утратил прежнюю живость. Он больше не выходил за пределы двора, проводя дни под деревом, глядя на цветы. Он перестал ходить за фруктами в горы и ловить рыбу в заливе Циншуй. Ху Тянь понял: Шань Жун не то чтобы не хотел, его тело уже не позволяло ему вести прежний образ жизни.

Даже путь от комнаты до двора давался Шань Жуну с трудом. Ху Тянь обычно помогал ему. Сначала Шань Жун выглядел озадаченным, но вскоре начал принимать помощь с привычной улыбкой, не выказывая ни капли неприязни.

Ху Тянь взял на себя все дела. На рассвете он приносил корзину свежих фруктов, мыл их, и они ели, сидя в тишине под персиковым деревом. В полдень он ловил рыбу в заливе Циншуй,

готовил суп или запекал ее на огне — Шань Жун больше всего любил печеную рыбу.

Вечерами, когда Ху Тянь раньше не пускал Шань Жуна далеко, боясь за него, теперь он сам брал его с собой. Он водил его на ночные рынки, заказывал лучшие деликатесы в ресторанах и покупал яркие ткани для новых одежд.

Дни шли своим чередом. Видя искреннюю улыбку Шань Жуна, Ху Тянь чувствовал удовлетворение, хотя в глубине этих ясных глаз больше не было прежней привязанности. Кто бы мог подумать, что он, Ху Тянь, станет таким смиренным? Но сейчас даже одна улыбка любимого была для него величайшей роскошью.

Ху Тянь чувствовал приближение конца. Он знал, что этот день настанет, поэтому старался подарить Шань Жуну как можно больше радости, пусть даже она была лишь следствием его присутствия. Он не считал дни — это было ни к чему. Эти воспоминания станут его вечным сокровищем.

Однажды, после бессонной ночи, Ху Тянь увидел, что Шань Жун поднялся с постели. Когда тот оделся и Ху Тянь протянул руку, чтобы помочь, Шань Жун мягко отстранил его.

Ху Тянь вспомнил, как недавно спрашивал его, глядящего на персик:

— На что ты смотришь?

Шань Жун не обернулся:

— Ни на что. Я просто жду.

Ху Тянь посмотрел на свою руку, все еще хранящую тепло тела Шань Жуна. В прошлые дни от него никогда не исходило такого тепла. Ху Тянь поднял голову, чувствуя, как сжимается горло:

— Ты дождался?

Шань Жун улыбнулся и кивнул:

— Да, наконец-то.

Он больше не выглядел болезненным, как в последние дни. Он необъяснимо восстановился, но именно это пугало Ху Тяня больше всего: за такие чудеса всегда приходится платить страшную цену. Но Ху Тянь не мог спросить. Он не мог спросить ни о чем.

Шань Жун вышел во двор, Ху Тянь следовал за ним по пятам. У ворот Шань Жун обернулся:

— Ху Тянь, не ходи за мной. Приходи через четверть часа к обрыву на горе Наньшань, хорошо?

Ху Тянь задрожал. Он уже догадался, что произойдет. Он попытался улыбнуться, но потерпел

неудачу. В глазах Шань Жуна он увидел понимание: оказывается, Ху Тянь тоже умеет плакать. Раньше он думал, что тот из тех, кто проливает кровь, но никогда — слезы.

— Не надо, не иди туда, и мне не нужно. Давай просто останемся здесь, вдвоем, разве не хорошо? — умолял Ху Тянь. — Шань Жун, я больше не буду заниматься делами клана, я буду только с тобой, если ты останешься. Разве это не хорошо?

Шань Жун лишь печально посмотрел на него:

— Нельзя, Ху Тянь. У моего времени есть срок, и я должен сделать то, что должен. Приходи, ты обязательно должен прийти, иначе я не прощу тебя!

Легкий туман окутал двор. Когда он рассеялся, эхо голоса Шань Жуна еще звучало в воздухе, но самого его и след простыл.

На склоне горы Наньшань Юань Цзыжу и Шань Жун наблюдали за даосами, которых Юань Цзыжу переместил сюда мгновенным заклинанием.

— Готов? — спросил Юань Цзыжу.

Шань Жун кивнул:

— Да, все готово.

— Тогда прыгай. Не бойся, внизу я тебя подхвачу. Но ты уверен, что хочешь избавиться от этого тела?

— Уверен. Оно все равно бесполезно.

Юань Цзыжу покачал головой:

— Я говорил тебе, что после всего верну тебе шанс на перерождение, тогда это тело пригодилось бы. Но я должен буду забрать твои воспоминания.

Шань Жун потянул его за рукав:

— Ой, этот мир такой скучный. Верховный бог, вы ведь обещали, что если я захочу, то примете меня к себе?

Юань Цзыжу вздохнул:

— Ладно, ладно. Просто боюсь, что однажды ты пожалеешь.

Шань Жун прошептал:

— Столько сожалений... К тому же, я давно не чувствую привязанности к этому миру.

Юань Цзыжу посмотрел на него. Этот маленький лис был самым трудным гостем, с которым ему приходилось иметь дело, но, к сожалению, он не мог быть к нему суров.

— Что ж, прыгай. Я сделаю так, чтобы твое тело упало в точности, как в прошлый раз.

Шань Жун радостно прыгнул вниз и побежал к опешившим даосам. Те, узнав в нем ту самую рыжую лису, которую они загнали на край обрыва несколько месяцев назад, не раздумывая, бросились в погоню. Они были в ярости: зверь оказался куда проворнее, чем раньше, и легко уворачивался от их заклинаний.

Даосы, ослепленные гневом, не замечали странностей. Они видели лишь добычу, которая снова бежит к пропасти.

А Шань Жун, бегущий впереди, широко улыбался. Каждый раз, когда даосы были близки к цели, Юань Цзыжу, невидимый в небе, слегка отводил их удары. Для Шань Жуна это было похоже на игру.

В этот момент Ху Тянь, не выдержав ожидания, примчался к обрыву и увидел, как даосы загоняют Шань Жуна в ловушку. Он хотел броситься вперед, но вдруг почувствовал странное колебание воздуха. Он застыл, не в силах пошевелиться.

Чей-то голос прошептал ему на ухо:

— Просто смотри.

Ху Тянь понял, кто это, и в отчаянии рванулся, но заклинание держало крепко. Он смотрел, как Шань Жун делает шаг в бездну.

— Бесполезно, они тебя не слышат, — прошептал Юань Цзыжу. — Время вышло.

Оковы пали. Ху Тянь бросился к краю обрыва, вытянув руку. Он видел, как Шань Жун падает, запрокинув голову, и улыбается ему. Пальцы Ху Тяня сомкнулись на пустоте.

Он закричал, не обращая внимания на заклинания даосов, ударяющие ему в спину. Его тело кровоточило, но он не чувствовал боли. Глядя, как Шань Жун исчезает в глубине, Ху Тянь, не раздумывая, прыгнул следом.

<http://bllate.org/book/22153/2307670>